

A cinematic photograph of a woman with long brown hair, wearing dark, detailed armor, embracing the head of a large, dark dragon. The dragon's eye is glowing orange. The scene is set in a dark, forest-like environment.

ДМИТРИ САМАРСКИ

ПЕСНЬ
ПЕЛА
И
РОСЫ

Дмитри Самарски
Песнь пела и росы

«Автор»

2026

Самарски Д.

Песнь пела и росы / Д. Самарски — «Автор», 2026

В мире, где города висят на цепях, а море хранит голоса богов, драконы стали легендой: их изгнали жрецы Небесного Пламени — ведь драконы созданы первородной тьмой, даровавшей свободу выбора. Ашар — последний дракон в человеческой шкуре — скрывает огонь, чтобы не стать жертвой. Во время обряда он спасает дерзкую Лиру, отказавшуюся отдать себя богу дождя. Вместе они идут к храму изгнанной богини ветра Миры. Там драконица Эйрил раскрывает тайну: драконы были мостом между богами и людьми, но их уничтожили. Чтобы восстановить равновесие, нужно исполнить Песнь Пепла — Ашару придётся пожертвовать сущностью. Перед героем выбор: сохранить род драконов или обрести любовь, став человеком. В решающий момент Ашар и Лира объединяют силы: её голос — мост между прошлым и будущим, его пламя — тепло человеческого сердца. «Песнь пела и росы» — романтическое фэнтези о любви, выборе и силе, меняющей мир.

© Самарски Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ. ПЕПЕЛ ДОЖДЯ	5
ГЛАВА I. ДЕРЕВНЯ У БОЛОТНЫХ ВРАТ	8
ГЛАВА II. ЛИРА — ДЕВОЧКА, НЕ ПРЕКЛОНИВШАЯ КОЛЕН	11
ГЛАВА III. ЖЕРТВА ДОЖДЮ	15
ГЛАВА IV. БЕГСТВО И ПЕРВЫЙ ВЫБОР	18
ГЛАВА V. ЛЕС ЗАБЫТЫХ КОРНЕЙ	22
ГЛАВА VI. ПЕСНИ БОЛОТНЫХ СТАРЕЙШИН	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Дмитри Самарски

Песнь пела и росы

ПРОЛОГ. ПЕПЕЛ ДОЖДЯ

До того как города поднялись на цепях, до того как жрецы научились измерять небо молитвами, мир был иной — не лучше и не хуже, но живее. Он не знал границ между землёй и небом, потому что границами были только горы и страхи людей, а страхи тогда ещё не были возведены в закон.

В те времена драконы были не мифом и не угрозой. Они были дыханием мира, пульсом его огня. Они не правили, не требовали поклонения, не принимали жертв. Они были мостами между стихиями: между ветром и землёй, между грозой и росой. Люди поднимали лица к небу, когда над ними проплывала тень дракона, и в этих лицах было не рабское преклонение, а благодарность — как перед тем, кто напомнил: свобода существует.

И тогда это увидели боги.

Боги, жившие в высоте, привыкшие, что их боятся. Их власть питалась молитвами, страхом, жертвами. И вдруг они увидели, что люди начинают выбирать. Что дети смеются рядом с драконьими тенями, что старики рассказывают истории не о богах, а о крыльях, которые несут дождь.

— Они забывают нас, — сказал бог пламени.

— Они перестают бояться, — сказал бог грома.

— Они учатся выбирать, — произнесла богиня ветра.

Имя её было Мира. Она была не самой сильной среди богов, но была самой свободной. Она любила ветер за то, что его нельзя удержать. Она любила людей за то, что их сердца могут гореть не приказом, а выбором.

— Вы не имеете права, — сказала Мира. — Драконы не забирают нашу власть. Они дают людям свободу.

Но богов не убедить словами, когда ими движет страх. Они создали Свет — оружие не против тела, а против памяти. Свет, который выжигал не только плоть, но и имена, и истории.

Так началась война, которой не увидел бы ни один смертный, потому что она была не битвой, а вычёркиванием. В небе вспыхивали сияния, которые не были молниями, в горах рушились скалы, которые не были камнем, а символами древней силы.

Драконы исчезали один за другим.

Их не убивали — их стирали. Их крылья превращались в пепел, который падал на землю, и каждый этот пепел шептал о том, что было потеряно. Люди видели грозы и думали, что

это просто грозы. Они видели пепел и думали, что это просто дождь сгоревшего леса. Они не знали, что мир теряет свою память.

Мира пыталась остановить это. Она поднимала бури, скрывала драконов в облаках, прятала их в горных расщелинах, заставляла ветра нести их прочь от света. Но богов было больше, и их страх был сильнее.

— Ты предала порядок, — сказали боги.

— Я выбрала свободу, — ответила она.

Её изгнали, и в тот миг небо стало тяжелее. Храм её был разрушен, имя — запрещено. Но её голос не исчез: он остался в ветрах, в шелесте трав, в песнях, которые матери шептали детям перед сном.

Перед изгнанием она произнесла пророчество, которое услышали только деревья и вода:

«Когда сердце огня встретит голос росы,

и песня пройдёт сквозь пепел,

мир вспомнит, что свобода — не дар,

а дыхание, которое никто не вправе отнять».

* * *

В последнюю ночь, когда небо было разорвано светом, над миром оставался один дракон — самый молодой, ещё не познавший полной силы. Он был ранен, его крылья были обожжены, но он летел — не ради себя, а ради того, чтобы память не исчезла совсем.

Свет падал на него, как клинки. Он чувствовал, как исчезают его братья, как их имена растворяются в пустоте. Он слышал их голос — не как звук, а как последний зов.

— Живи, — сказал этот зов. — Помни.

Дракон упал в грозу. Молнии рвали небо, вода падала стеной. Он ударился о землю у болот и зашёлся в беззвучном рыке. Его крылья растворились, его чешуя потускнела, но сердце продолжало биться. Он превратился в ребёнка, потому что свет не мог уничтожить то, что стало частью человеческого мира.

Когда гроза стихла, люди нашли его. Он лежал в грязи, с ожогами на руках, и на его спине были едва заметные метки — следы крыльев, которые уже нельзя было вернуть. Они не знали, кто он, но увидели в его глазах небо — и забрали его.

Так появился Ашар — огонь, не сжигающий.

* * *

Мир забыл драконов, но пепел помнил. Каждый дождь приносил запах дыма, которого не было. Каждая роса блестела так, будто на ней оставили прикосновение крыльев.

И когда пришло время, пепел заговорил.

ГЛАВА I. ДЕРЕВНЯ У БОЛОТНЫХ ВРАТ

В этих местах небо всегда было ниже. Оно висело над крышами так, словно кто-то однажды уронил его на землю и забыл поднять. Синева просачивалась между кронами, как вода между пальцами, а тучи проходили над деревней, как тяжёлые корабли, увозя с собой чужие молитвы.

Деревня у Болотных Врат не была бедной — она была усталой. Дома здесь стояли, словно прислушиваясь к земле: низкие, с покатыми крышами, с потемневшим деревом, пропитанным веками тумана. За частоколом тянулись болота, и каждый ребёнок знал, что дальше пятнадцатого камня идёт уже не тропа, а зыбь: там земля дышит, там шепчут корни, там, по ночам, можно услышать, как вода разговаривает с самой собой.

Но самым сильным здесь было не болото — а страх. Страх перед богами и людьми, которые говорили от их имени.

Каждую весну жрецы Небесного Пламени спускались с цепных городов, чтобы принять дар — девушку, выбранную по обряду. Деревня послушно поднимала руки, улыбалась, подносила хлеб и воду, а в домах потом плакали матеря и молились, чтобы на этот раз выбор пал не на их дочь. Так было всегда. Так было «по воле небес».

В тот год весна пришла рано. Вода поднялась до колен, вербы выпустили кисти, а в воздухе появилась та особая влажность, которая бывает только на пороге грозы. Жители деревни говорили: «Боги идут». И каждый раз, когда ветер поворачивался с севера, с обрывков облаков срывались белые перья — знак небесных посланников.

Ашар стоял у колодца, держа ведро так, словно оно было единственной точкой опоры. Он не любил дни перед обрядом. В эти дни его тело начинало гореть, будто в крови просыпались искры. Он знал: внутри него есть что-то, что боится воды и дождя — и в то же время, жаждет его.

Он был тонким, высоким, с неестественно прямой осанкой, которая казалась чуждой деревенским телам. Его кожа была чуть теплее, чем у других, глаза — темнее, чем полагалось людям, и почти всегда опущены, чтобы не ловить чужие взгляды.

— Ашар! — окликнула его старуха с вязаным платком. — Опять не спал?

Он поднял голову, и на секунду в его взгляде скользнуло что-то древнее, неизвестное старухе. Он улыбнулся — мягко, так, как его научили улыбаться, чтобы не вызывать вопросов.

— Спал, тётушка Нера. Просто вода нынче тяжёлая.

— Не вода, мальчик. Небо тяжёлое. — Она отмахнулась рукой. — Говорят, в этом году жрецы придут с самим Селенафом. Тогда-то мы увидим чудеса.

«Чудеса», подумал Ашар, и это слово отозвалось в нём знакомой горечью. Чудеса, которые забирают. Чудеса, которые жгут.

Он отнёс воду в дом, где его ждали приёмные родители. Они нашли его тринадцать лет назад на окраине болот, после грозы. Тогда он был ещё совсем ребёнком, с обожжёнными руками и странными метками на спине, похожими на следы крыльев. Они назвали его Ашар — «огонь, не сжигающий».

С тех пор он учился жить как человек. Улыбаться, когда нужно. Молчать, когда надо молчать. Не ходить к болотам в одиночку. Не смотреть в небо слишком долго.

Но иногда — редко — он чувствовал, как его плечи тянет вверх, как будто там на самом деле были крылья. Иногда он просыпался от запаха пепла, которого не было. Иногда, в самую грозу, молнии тянулись не к громоотводам, а к нему.

Он умылся, и вода на его коже зашипела. Он быстро стёр её полотенцем — никто не должен был видеть.

Выйдя во двор, он увидел, как по дороге идёт Ли́ра.

Она была дочерью травницы, и сама была похожа на хрупкое растение, зажатое между камней — тонкая, высокая, с непокорными волосами, которые всегда выбивались из-под платка. В ней было что-то не от деревни, не от болот, не от этого укоренившегося страха. Она смеялась иначе — как человек, который знает, что смех — это оружие.

— Ашар, — сказала она, подойдя, — ты пойдёшь на обряд?

Он пожал плечами.

— Все пойдут.

— Я спрашивала не о всех. Я спрашивала о тебе.

Её глаза были светлыми и спокойными, как вода в утреннем болоте, когда там ещё не поднялись туманы. В них было что-то, что умело видеть глубже, чем хотелось бы.

— Почему ты спрашиваешь?

— Потому что я думаю... — Она остановилась, словно выбирая между словами и правдой. — Я думаю, что кто-то должен сказать «нет».

Ашар посмотрел на неё. В нём поднялось что-то древнее, такое же, как жар в груди, который он всегда прятал. Он чувствовал, как пульс в висках стал горячее.

— Если скажешь «нет», они тебя заберут.

— И если скажу «да», они всё равно заберут. — Она улыбнулась, но в этой улыбке было больше боли, чем смеха. — Разница лишь в том, останусь ли я собой.

Он хотел сказать что-то утешительное, но не нашёл слов. Ли́ра не нуждалась в утешении. Она нуждалась в том, чтобы её услышали.

— Я не могу, — тихо сказал он. — Я... не могу вмешиваться.

— Почему? — Она сделала шаг ближе. — Потому что боишься?

Он почувствовал, как в груди вспыхнуло пламя. Это не была злость — это была правда, с которой он ещё не научился жить.

— Да, — сказал он. — Потому что боюсь.

Лира кивнула. И на мгновение её рука коснулась его пальцев. Тёплая, лёгкая, словно случайность — и всё же так, что это касание запомнилось.

— Бояться — это нормально, — произнесла она. — Главное — не оставить страху право выбирать за тебя.

Она ушла, оставив его с этими словами, которые словно ударили в самую суть.

Вечером над деревней зажгли факелы, разожгли костры, и воздух наполнился запахом смолы и трав. Женщины раскладывали на алтарях хлеб и мёд, мужчины проверяли ограды, дети бегали, не чувствуя того, что в воздухе было уже слишком много напряжения, слишком много молчаливого согласия.

Ашар стоял в тени, прислушиваясь к себе. Его сердце билось медленно, но уверенно. Он слышал, как где-то далеко, в болотах, ухнул старый журавль. Он слышал, как ветер меняется, как тучи делают шаг ближе.

И внезапно — совсем внезапно — он понял, что время выбора близко. Не весеннего обряда. Его собственного. В нём ещё не было ответа. Но было то, чего раньше не было: вопрос.

Ночь опустилась густо, и на востоке, над болотами, вспыхнула первая молния.

Ашар поднял голову к небу — туда, где когда-то его крылья могли быть свободными.

И в этой молнии на мгновение он увидел отражение самого себя. Не человека. Не зверя. Не легенду.

Что-то среднее.

Что-то, что должно было сделать выбор.

ГЛАВА II. ЛИРА — ДЕВОЧКА, НЕ ПРЕКЛОНИВШАЯ КОЛЕН

Утром туман был такой плотный, что казалось — мир склеен из молока и теней. Деревня просыпалась медленно, как зверь после долгой зимы: одни открывали ставни, другие шептали молитвы, третьи просто стояли на пороге, пытаясь разглядеть силуэт жреческих караванов на дороге.

Лира не выходила к колодцу. Она сидела у очага, перебирая пучки сухих трав, но её пальцы дрожали не от усталости, а от нетерпения. В её мыслях не было молитвы, хотя мать, старая травница Неста, всё утро бормотала древние слова, обращённые к небесам.

— Ты должна быть осторожней, — сказала Неста, не поднимая взгляда. — Говорить — это легко. Молча жить — труднее, но безопаснее.

— Если молчать, то жить уже не будет моим, — ответила Лира. — Это будет не жизнь, а тень.

Неста тяжело вздохнула. Она знала: спорить с Лирой было всё равно что спорить с ветром. Лира могла быть мягкой, но, как и ветер, она всегда находила путь, даже сквозь запертую дверь.

— Я не хочу, чтобы ты стала тенью, — тихо сказала мать. — Но я хочу, чтобы ты осталась живой.

— А я хочу, чтобы мы все жили по правде, — ответила Лира и, поднявшись, подошла к окну.

За окном на тропе появилась фигура: мальчик в тёмной плащ-накидке, который шёл быстро и чуть сутулясь, будто пытался раствориться в утреннем молоке. Он остановился у изгороди, будто не решаясь подойти.

— Ашар? — окликнула Лира, открывая дверь.

Он вздрогнул, словно её голос был не голосом, а внезапным звонком колокола. На его лице мелькнула какая-то тень, но он вошёл.

— Я хотел... — он остановился, словно потерял слова. — Я хотел спросить, ты правда собираешься говорить сегодня?

— Правда.

Он посмотрел ей в глаза, и в этом взгляде было столько невыраженного, что Лира впервые почувствовала, что за его молчанием скрывается не только страх, но и нечто более древнее, более тяжёлое.

— Ты понимаешь, что они сделают? — тихо спросил он.

— Они сделают то, что делают всегда. — Лира подошла ближе. — Только сегодня это будет при всех.

Она сказала это спокойно, но внутри чувствовала дрожь. Не страх. Предчувствие, что что-то неизбежное уже запущено.

Ашар открыл рот, но снова закрыл. Он выглядел как человек, который может сказать многое, но каждое слово кажется ему слишком опасным, слишком значительным.

— Ты не должна быть одна, — наконец произнёс он.

Лира улыбнулась.

— Я и не одна. Даже если все отвернутся, у меня останется я.

Он нахмурился, будто хотел возразить, но не нашёл слов. В этот момент за дверью раздался гул. Мать Леры поднялась, вытерла руки о передник.

— Жрецы идут, — сказала она. — Одевайся.

* * *

Полдень пришёл внезапно. Туман рассеялся, и деревню залило жёлтым светом, будто солнечное око вглядывалось в каждую крышу. На площади уже стоял круг из камней — древний, покрытый рунами, которые никто не понимал, но все почитали. Здесь всегда проводили обряд.

Селенаф появился на площади, как если бы его вынес на свет сам ветер. Высокий, тонкий, в длинной белой мантии, расшитой золотыми узорами, он шагал медленно и величественно. Его лицо было гладким, почти идеальным, как у статуи. Но глаза... глаза были пустыми, словно в них не отражалось небо.

За ним шли ещё пятеро жрецов. На их шеях висели цепи с символом Небесного Пламени — крылатый круг, охватывающий каплю огня.

Люди падали на колени.

Лира осталась стоять.

Её мать, побледнев, дёрнула её за рукав, но Лира не шевельнулась. Она смотрела на Селенафа прямо, как смотрят на шторм — не с вызовом, а с признанием того, что он существует, но не должен быть единственной силой в мире.

— Дети болот, — произнёс Селенаф, и его голос был таким же ровным, как сталь. — Время пришло. Небо жаждет дара. Кто примет честь быть избранной?

Жрецы начали обходить круг. Они касались плеч девушек, произносили слова, и каждое прикосновение было словно метка. Сердца замирали, матери шептали молитвы. Ашар стоял в

тени, сжимая пальцы до белизны, и каждый раз, когда жрец проходил рядом, он чувствовал, как горячая волна поднимается в груди.

Селенаф остановился перед Лирой.

— Ты не преклонила колен, — сказал он тихо, но так, чтобы услышали все.

— Я преклоняюсь только перед тем, кто способен любить, — ответила Лира.

На площади будто погас воздух. Люди в ужасе зашептались. Неста ахнула, прикрыв рот рукой.

Селенаф улыбнулся, но в этой улыбке не было тепла.

— Ты дерзка. Но боги любят дерзость. — Он поднял руку и положил ладонь на её голову. — Тогда пусть выбор будет ясен.

В тот миг небо потемнело. Не от тучи — от чего-то иного, будто сама тень подошла ближе. Лира почувствовала, как в её груди что-то сжалось. Она понимала: это не обряд. Это приговор.

— Нет, — сказала она громко. — Я не отдам себя.

Селенаф отступил на шаг, будто её слова коснулись его, как огонь.

— Значит, ты отдашь себя силой.

Жрецы двинулись вперёд.

И в этот момент воздух прорезал звук — не крик, не гром, а что-то иное, что шло из глубины земли и одновременно из глубины неба.

Ашар шагнул вперёд.

Он не мог объяснить, почему это случилось именно теперь. Он сам не знал, что делает, но в его груди поднялось пламя — не жгучее, а ясное, как правда. Оно поднялось к горлу, и вместе с ним поднялись его плечи, его спина, его сущность.

На глазах у всего селения из его спины прорезались чёрно-алые крылья, и они развернулись так широко, что затмили солнце.

Селенаф замер.

Лира, не поверив глазам, сделала шаг назад.

Ашар встал между ней и жрецами. Его голос прозвучал глухо и тяжело, словно камень, падающий в воду:

— Её вы не тронете.

И тогда впервые за многие века деревня у Болотных Врат увидела дракона.

ГЛАВА III. ЖЕРТВА ДОЖДЮ

Мир не успевает привыкнуть к чуду. Он либо принимает его, либо рушится.

Крылья Ашара, тёмные, как ночное небо над болотами, пошли дрожью, когда он развернул их до конца. Солнце за его спиной стало тонкой полосой света, и лица людей на площади вдруг исказились: страх, трепет, неверие. Кто-то упал на колени, но уже не перед жрецами — перед ним. Кто-то отступил к домам, словно тень, которую он отбрасывал, могла обжечь.

— Дракон... — прошептала Неста, и этот шёпот стал началом паники.

— Тише, — процедил Селенаф, но его голос впервые дрогнул.

Лира не могла отвести глаз от Ашара. Её сердце билось в ритме грома, и в этом ритме было чувство не только страха — там была древняя, странная правильность, как будто всё шло именно так, как должно было.

— Ашар... — произнесла она, но он не услышал.

Он слышал только то, как внутри него ревет пламя, которое сдерживал годами. Оно рвалось наружу, но не разрушать — защищать. Он не желал крови. Он желал свободы.

Жрецы встали в круг, подняв руки, и воздух вокруг них начал светиться тонкими нитями. Золотой свет, запах озона и горящего мирта, громкий шёпот молитв — всё это слилось в единый узел, который потянулся к Ашару, как сеть.

Селенаф сделал шаг вперёд.

— Ты — ошибка, — произнёс он спокойно. — То, что должно было исчезнуть, но не исчезло. Мы исправим это.

— И ради этого вы отнимаете у людей свободу? — голос Ашара прозвучал низко, будто из глубины горы.

Селенаф улыбнулся.

— Свобода — это миф. Без богов мир бы обратился в хаос. Вы — хаос. Ты — его порождение.

На миг молния рассекла небо, и её свет отразился в глазах Ашара. В этот миг он понял, что слово «хаос» — всего лишь другое имя для «выбор».

— Тогда пусть будет хаос, — сказал он.

Он шагнул вперёд, и ветер поднялся вокруг него. Его крылья взмахнули, и пыль сошла с камней, взвившись, как стая птиц.

Селенаф поднял руки, и луч света ударил в грудь Ашара. Он прошил его, словно раскалённый клинок. Но Ашар не упал. Он лишь сжал зубы — боль была, но куда сильнее было то, что держало его на ногах.

Лира закричала:

— Хватит!

Она бросилась вперёд, но один из жрецов схватил её за руки. Лира вырвалась, обернувшись, словно дикая лиса. Она не могла смотреть, как Ашара сжигают светом.

— Отпустите! — её голос прозвучал так, что люди вздрогнули.

В этот момент Ашар сделал выбор. Он не стал драться с жрецами — он не ударил огнём. Он просто раскрыл крылья ещё шире, обнял ими воздух, и этим движением сбил световой луч, словно разрезал его на две части.

Пламя из его груди не вырвалось, оно лишь обволокло его, как щит. Он шагнул к Лире — и шаг этот стал для него прыжком.

Крылья ударили по воздуху, и он поднялся. Лира, всё ещё пытаясь вырваться, почувствовала, как кто-то схватил её за талию и поднял — она не успела крикнуть, прежде чем земля ушла из-под ног.

— Ашар! — её голос растворился в ветре.

Он поднялся над площадью. Всё, что было внизу — стало игрушечным, маленьким, далёким. Деревня, люди, жрецы — всё осталось там, под ним. И впервые в жизни он ощутил полёт не как воспоминание, а как реальность.

Лира, прижатая к его груди, ощутила жар. Но это был не огонь, а тепло живого сердца. Она подняла голову, и её волосы ударили ей по лицу, но она улыбалась сквозь слёзы.

Ветер свистел в ушах, и в этом свисте слышалась древняя песня. Где-то далеко над ними раскатился гром. Небо, которое всегда было низким, вдруг стало бесконечным.

Селенаф смотрел вслед, не двигаясь. Его лицо оставалось спокойным, но в глазах впервые появилось что-то похожее на холодную ярость.

— Пусть летит, — сказал он тихо. — Он всё равно вернётся. Кровь не может бежать от своего имени.

* * *

Лира не знала, сколько они летели. Время на высоте текло иначе. Она видела, как под ними проходят леса, болота, серебряные линии рек. Её сердце было переполнено.

— Ты... ты дракон, — наконец выдохнула она.

— Да, — произнёс он, и его голос был другим: не человеческим, но и не звериным.

— Почему ты скрывал?

— Потому что они убивают таких, как я.

Она хотела спросить ещё многое, но вместо этого положила руку ему на грудь, чтобы чувствовать его живым.

— Спасибо, — прошептала она.

Он посмотрел на неё, и в его взгляде было столько боли и нежности, что Лира впервые ощутила, как внутри неё что-то смягчилось.

— Не благодарь, — сказал он. — Это не заслуга. Это... то, чем я должен был стать.

Они опустились на поляну в лесу, где воздух пах сырой землёй и елью. Ашар сложил крылья, и его тело снова приняло человеческий облик. Он стоял, тяжело дыша, будто только что родился заново.

Лира смотрела на него и понимала: всё, что было до этого дня, осталось в прошлом. Впереди была неизвестность — страшная, огромная, но живая.

— Куда мы теперь? — спросила она.

Он поднял глаза к небу, где облака расходились, словно открывая путь.

— Туда, где есть ответы, — сказал он. — Туда, где я пойму, кто я. И где ты сможешь выбрать свою судьбу.

Она кивнула, и это согласие стало первым их общим шагом в новую легенду.

А где-то далеко, за лесами и болотами, жрецы Небесного Пламени уже шептали молитвы другому богу — богу, который питался не светом, а страхом. И это значило: их путь только начинался.

ГЛАВА IV. БЕГСТВО И ПЕРВЫЙ ВЫБОР

Ночь в лесу была иной — не как у болот, где туман стирает звук, а как в горниле старого мира: пахла мхом, древесной смолой и чем-то древним, что нельзя назвать. Ветви деревьев теснились над ними, словно стены храма. Где-то далеко ухала сова, и каждый её крик отзывался в сердце Лиры тревожной ноткой.

Они разожгли костёр, скрытый в естественной впадине между корней. Ашар сидел на корточках, глядя на огонь так, будто видел в нём отражение своей сущности. Его лицо освещали багряные отблески, и Лира впервые увидела, как по краю его скулы проходит едва заметная линия — словно след от ожога, которого не могло быть у человека.

— Ты был уверен, что сможешь взлететь? — спросила она, пытаясь разрядить тишину.

Он усмехнулся.

— Нет. Я был уверен только в одном: если останусь — тебя заберут. Всё остальное было... темнотой.

Лира подтянула колени к груди.

— Я думала, что умру там. Или что они сломают меня так, что жить останусь, но не я.

Она посмотрела на него.

— Ты не обязан был спасать. Ты мог бежать один.

— Я не мог, — ответил он просто.

И в этой простоте было больше, чем в самых красивых словах.

* * *

Они шли на север. Ашар знал направление — так же, как птица знает путь к тёплым землям. Внутри него жила странная тяга, будто нить, натянутая к точке, которую он не видел, но ощущал кожей. Лира иногда спрашивала, что он чувствует, а он отвечал: «зов». Это слово подходило лучше всего.

Дорога была опасной. Жрецы Небесного Пламени не прощали дерзости. Их гонцы уже рыскают по трактам, их глаза в каждом городе. В деревнях они не могут прятаться — в маленьких местах шёпот разлетается быстрее ветра.

Первую ночь они провели под корнями древнего дуба. Ашар спал мало, больше прислушиваясь к лесу, к каждому шороху. Его тело всё ещё держало остатки драконьей силы, и в ушах звенело от едва уловимых звуков: как шуршит лиса, как отдалённый олень ступает в чашу, как листья разговаривают между собой.

Ли́ра лежала неподалёку, укутавшись в плащ. Она не могла уснуть сразу. Её мысли бегали по кругу: «Что будет дальше?» «Сможет ли она жить без дома?» «Кто он — этот мальчик, который вдруг оказался легендой?»

Она смотрела на него, пока тот не поднял голову.

— Не спишь?

— Нет.

— Ты боишься?

Она подумала.

— Боюсь, — сказала. — Но не того, что будет. Я боюсь того, что мы можем потерять друг друга, даже не имея права сказать, что мы... что мы друг для друга что-то значим.

Он замолчал. В огне хрустнула ветка. Ашар протянул руку и подбросил дров. Пламя звилось, словно отозвалось на её слова.

— Я не умею... — начал он, потом остановился. — Я не знаю, как быть с тем, что я чувствую.

Ли́ра тихо рассмеялась.

— А я думаю, никто не знает. Но это не повод молчать.

Она протянула ему свою ладонь, не касаясь. Он посмотрел на её руку, потом на её глаза, и медленно накрыл её пальцы своими.

Жар был ощутим — как от камня, прогретого солнцем. Ли́ра не отдёрнула руку. Ей было тепло.

* * *

На рассвете они услышали треск веток. Ашар вскочил первым, зрачки расширились.

Из-за деревьев показались люди — трое мужчин в кожаных плащах, с луками за спиной. Не жрецы, но не друзья. Охотники.

— Эй! — крикнул один. — Вы кто такие?

Ли́ра шагнула вперёд, но Ашар мягко удержал её за плечо.

— Путники, — ответил он спокойно. — Мы идём на север.

Охотники переглянулись. Один сплюнул.

— На север, значит. А платите чем?

Ли́ра поняла. Здесь, в лесных землях, плата — это всё. За ночлег, за молчание, за проход.

— У нас нет денег, — сказала она.

Охотник усмехнулся.

— Тогда мы возьмём то, что есть. — Его взгляд скользнул по Лире.

Ашар почувствовал, как внутри него поднялась волна. Он шагнул вперёд, и его голос стал тёмным, словно небо перед грозой.

— Уходите.

Охотники рассмеялись.

— Ты слишком смелый для мальчишки.

Один из них взялся за нож. Ашар не двигался. Он не хотел огня. Он хотел, чтобы они ушли.

И тогда Ли́ра сказала:

— Мы видели жрецов. Они идут за нами. Если вы задержите нас — они дойдут и до вас.

Охотник моргнул. Слово «жрецы» в этих лесах было страшнее любого оружия. Люди знали: где жрецы — там смерть, где они — там болезни, там подати, там суды.

— Жрецы? — переспросил второй, его улыбка стала натянутой.

— Да, — кивнула Ли́ра. — И они убивают без вопросов.

Охотники переглянулись, и страх в их глазах стал заметным.

— Ладно. — Первый махнул рукой. — Уходите. Но если вы лжёте...

— Мы не лжём, — сказал Ашар, и впервые его голос прозвучал как обещание.

Они ушли. Ли́ра вздохнула.

— Ты мог их сжечь, — тихо сказала она.

— И тогда бы мы стали теми, кем они нас называют, — ответил Ашар. — Чудовищами.

Ли́ра кивнула. Этот выбор — не поддаваться силе, когда можно — был их первым настоящим шагом.

* * *

К полудню они вышли к старой дороге, ведущей через северный лес. Здесь стояли камни с древними знаками — руны, наполовину стёртые дождями. Ашар остановился у одного из них и провёл рукой по вырезанной линии. Под его пальцами камень стал тёплым.

— Ты чувствуешь? — спросил он.

— Что?

— Это... как шёпот. Он говорит, что я иду туда, где был прежде. Где моя кровь.

Лира посмотрела на камень. Она не чувствовала ничего, кроме прохлады и шероховатости. Но в голосе Ашара было такое спокойное убеждение, что она не усомнилась.

— Тогда идём, — сказала она. — Потому что где бы ты ни был раньше, теперь я иду рядом.

И они пошли. Лес расступался, словно признавая их. Над ними перелетали птицы, и в каждом их крыле Лира видела отражение того, что скрывал Ашар. Они ещё не знали, какие испытания ждут впереди. Но уже знали: назад пути нет.

Так начался их путь — не просто бегство, а движение к истине. И в этом движении рождалась история, которой суждено было стать легендой.

ГЛАВА V. ЛЕС ЗАБЫТЫХ КОРНЕЙ

Лес менялся. Сначала это были обычные северные чащи — густые, влажные, наполненные звуками. Но чем дальше они шли, тем больше деревья становились похожими на стражей: их стволы изгибались в странных позах, как будто они запомнили древнюю боль и теперь застыли в ней. Корни выползали на поверхность, переплетаясь, образуя подобие тропинок, которые сами выбирали, куда вести.

— Это Лес Забытых Корней, — тихо произнёс Ашар, когда они впервые увидели его край. — Я видел его во сне.

Лира подняла взгляд. Солнечный свет здесь был иначе: он проходил через листву мягкими полосами, будто шёл через воду. Воздух был прохладный и в нём чувствовалась не то мята, не то древняя пыль.

— Ты уверен, что нам туда? — спросила она.

— Нет, — ответил он. — Но я уверен, что именно здесь я смогу понять, что скрывает во мне этот огонь.

Лира кивнула и шагнула первой — не потому, что была смелее, а потому, что знала: иногда нужно просто идти, иначе страх снова станет хозяином.

* * *

Внутри леса время потеряло чёткие границы. Они не могли сказать, прошло ли несколько часов или целый день. Ветки свисали так низко, что приходилось наклоняться, а корни под ногами могли неожиданно «ожить» — не двигаться, но словно менять направление, вынуждая искать новый путь.

Ашар чувствовал здесь нечто знакомое, словно его кровь отзывалась на древнюю песню. Он касался ладонью стволов — и под пальцами пробегала лёгкая дрожь, как отклик.

— Этот лес... живой, — прошептала Лира, когда одна из ветвей мягко отстранилась, пропуская их.

— Он помнит, — сказал Ашар. — Всё, что было до нас.

Они нашли ручей — узкую ленту воды, которая текла между камней. Лира наполнила флягу, а Ашар, склонившись, вдруг увидел в воде не своё лицо, а нечто иное: золотистое пламя внутри зрачков, силуэт крыльев, тень чешуи на коже.

Он резко отдернул руку.

— Что ты увидел? — спросила Лира.

Он молчал. Лес словно не хотел, чтобы он говорил.

* * *

К вечеру они вышли к поляне, окружённой деревьями, которые были гораздо древнее других. Их кроны не качались даже под ветром, а в коре были видны следы рунических знаков. В центре поляны стоял камень — высокий, гладкий, словно вытесанный водой, с высеченным символом: круг, в котором переплетались линия огня и линия воды.

— Это знак Миры, — прошептала Лира. Она узнала его из рассказов матери. — Богини ветра.

Ашар подошёл к камню, и когда его ладонь коснулась поверхности, камень стал тёплым. Лёгкая вибрация прошла по воздуху, как звук от далёкой арфы.

В этот момент лес заговорил.

Это не были слова. Это было чувство, как память, которая становится ясной, и в этой памяти Ашар увидел небо, огромное и пустое, и множество крылатых силуэтов, которые исчезали один за другим, как звёзды, поглощённые тьмой.

Он упал на колени, дыхание сбилось.

— Ашар! — Лира бросилась к нему.

— Я... вижу, — прошептал он. — Я вижу их всех. И я... один.

Лира обняла его, и он почувствовал её руки — человеческие, тёплые, живые. Это возвращало его в настоящее.

— Ты не один, — сказала она. — Я здесь.

* * *

Ночью лес изменился. Из темноты начали выходить фигуры — старики, женщины, подростки. Их лица были скрыты капюшонами, но их шаги были лёгкими, будто они не касались земли.

— Путники, — сказала одна из фигур, старшая, её голос звучал, как шелест листвы. — Давно не приходили сюда такие, как вы.

Лира поднялась, держа руку на кинжале, но Ашар сделал шаг вперёд.

— Кто вы? — спросил он.

— Мы — хранители корней, — ответила старшая. — Мы помним то, что забыли другие.

Ашар почувствовал, как внутри него вспыхнуло пламя. Эти слова заделали что-то глубокое. Он не мог уйти, не узнав.

— Что вы знаете о драконах? — спросил он.

Фигура подняла голову, и в темноте блеснули глаза.

— То, что они были не чудовищами, а мостами, — сказала она. — И то, что один из них всё ещё дышит среди людей.

Слова повисли в воздухе. Лира смотрела на Ашара, и в её взгляде было одновременно удивление и подтверждение того, что она знала давно.

— Мы... не случайно здесь, — тихо сказала она.

Старшая кивнула.

— Нет. Лес привёл вас. И если вы не уйдёте до рассвета, он может открыть вам путь.

* * *

Они сидели у костра вместе с хранителями. Те говорили тихо, словно боялись разбудить деревья.

— Было время, когда драконы не прятались, — рассказывал один из старейшин. — Они парили над городами, и люди знали, что с ними небо ближе. Но потом пришли жрецы, и они сказали: «Боги не потерпят тех, кто не склоняется».

— И драконы исчезли? — спросила Лира.

— Их уничтожили, — сказал старейшина. — Лишь один уцелел... и теперь он здесь.

Он посмотрел на Ашара, и тот опустил взгляд.

— Но мы не знаем, зачем, — сказал Ашар. — Почему я? Почему я жив?

— Потому что в тебе ещё жив выбор, — ответила старшая. — Ты — тот, кто может открыть песню, спрятанную в корнях мира.

— Песню? — Лира насторожилась.

— Песнь Пепла, — произнесла старшая. — Она хранится в разрушенном храме Миры. И только тот, у кого огонь в крови и сердце, может её пробудить.

Ашар почувствовал, как его дыхание участилось. Это имя, эта песнь — он слышал её в самых глубоких снах, но никогда не знал, что она реальна.

— Где храм? — спросил он.

Старшая указала на север.

— За мёртвыми полями. Там, где земля перестала петь, но ветер всё ещё помнит богиню.

* * *

Когда они ушли, лес словно отпустил их. На рассвете туман рассеялся, и тропа впереди стала ясной.

Лира остановилась, взглянула на Ашара.

— Ты хочешь идти дальше? — спросила она.

Он посмотрел на север. Там не было ничего, кроме линии горизонта, но он чувствовал — там его судьба.

— Да, — сказал он. — Но я не хочу идти один.

Лира взяла его за руку.

— Тогда не пойдёшь, — сказала она.

И они пошли дальше — к разрушенному храму, к Песни, к мифу, который должен был стать их реальностью.

ГЛАВА VI. ПЕСНИ БОЛОТНЫХ СТАРЕЙШИИ

Мёртвые поля начинались неожиданно — словно кто-то однажды провёл ножом по земле и выжег её до самого камня. Трава здесь была серой и ломкой, деревья — редкими, с сухими ветвями, похожими на руки, вытянутые к небу в немой мольбе. Птицы не пели. Даже ветер проходил осторожно, как будто боялся нарушить покой этого места.

Ли́ра ступила на выжженную землю и почувствовала, как под ногами потрескивает сухая корка. Здесь всё было иным — не враждебным, а пустым. Пустота, где когда-то могла быть жизнь, но где её больше не осталось.

— Почему так? — спросила она.

Ашар пожал плечами.

— Не знаю. Может, это место тоже помнит что-то, что лучше не будить.

Они шли долго, и с каждым шагом становилось всё тише. Даже их разговоры становились редкими, будто земля сама забирала слова. В какой-то момент Ли́ра заметила, что Ашар чуть замедлил шаг, словно прислушиваясь к чему-то.

— Ты слышишь? — спросил он.

Она остановилась. И в тишине — едва заметно — прозвучал звук, похожий на песню, но не человеческую. Это было словно дыхание земли, протяжное, глубокое, и в нём была тоска.

— Это не ветер, — прошептала Ли́ра.

— Это голоса болот, — сказал Ашар. — Старейшины.

* * *

Они пришли к кругу камней, в центре которого мерцал слабый огонь. Вокруг огня сидели люди — пожилые, с лицами, иссечёнными морщинами, с глазами, в которых было больше времени, чем в любой книге.

Это были болотные старейшины — те, кто жил между деревнями, в местах, где люди обычно не строят домов. Их считали ведьмами, хранителями древних слов, иногда — опасными.

Ли́ра ощутила, как холодок пробежал по спине. Но Ашар сделал шаг вперёд.

— Мы ищем храм Миры, — сказал он. — И песнь.

Один из старейшин поднял голову. Его глаза были тёмные, почти чёрные.

— Песнь не ищут, — произнёс он. — Песнь зовёт. Если вы слышите её — значит, она уже выбрала вас.

— Мы слышим, — сказала Лира.

Старейшины переглянулись.

— Тогда слушайте. — Старшая женщина, у которой волосы были белыми, как болотный мох, подняла руку. — Мы расскажем вам то, что нельзя писать в книгах.

Они начали петь. Это была не песня, а скорее древний шёпот, сложенный в мелодию. Лира чувствовала, как каждый звук проникает в неё, как вода, которую невозможно удержать.

«Когда мир был молод,
огонь и вода были братьями,
и между ними летали драконы.

Они не были богами,
но были ближе к земле,
чем те, кто жил на небе.

Боги дали людям закон,
драконы дали людям выбор.

И боги испугались,
что люди полюбят свободу,
больше, чем небесный свет.

Тогда было сказано:

“Пусть исчезнут те, кто дарует свободу.”

И драконы ушли в пепел,
оставив одному из них
память о песне,
которую может пробудить
только сердце человека.»

Голоса замерли. Огню некуда было дрожать, но он всё равно дрогнул.

Лира посмотрела на Ашара. Он сидел неподвижно, будто его душа была где-то далеко, среди тех древних огней.

— Что это значит? — спросила она тихо.

Старейшина склонил голову.

— Это значит, что ты — последний мост между тем, что было, и тем, что может быть.

Ашар поднял глаза.

— А что будет, если мы найдём Песнь?

— Тогда богам придётся сделать выбор, — ответила старейшина. — Либо они признают, что мир не принадлежит им. Либо попытаются разрушить его.

— Они уже пытаются, — сказала Лира. — Мы видели.

Старейшина кивнула.

— Селенаф связан с тем, кто питается страхом. Он зовёт Кеароса — змея, пожирающего звёзды. Если Кеарос проснётся, небо станет безмолвным.

Лира почувствовала холод в груди.

— Значит, мы должны успеть раньше? — спросила она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.